

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРАЗИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

ГЕОПАНОРАМА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Провинция и ее локальные тексты

Ответственный редактор
Л. О. Зайонц

Составители
В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов,
Т. В. Цивьян

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2Р
Г 35

Г 35 Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Моск. гос. ун-т; Ин-т мировой культуры; Пермский гос. ун-т; Евразийская ассоциация ун-тов; Отв. ред. Л. О. Зайонц; Сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян.— М.: Языки славянской культуры, 2004.— 672 с.: ил.— (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 5-94457-195-0

Книга «Геопанорама русской культуры» задумана как продолжение вышедшего год назад сборника «Евразийское пространство: Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003), на этот раз со смещением интереса в сторону изучения *русского провинциального пространства*, также рассматриваемого *sub specie* реалий и *sub specie* семиотики. Составителей и авторов предлагаемого сборника — лингвистов и литературоведов, фольклористов и культурологов — объединяет филологический (в широком смысле) подход, при котором главным объектом исследования становятся *тексты* — тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура и мифология *места*, в данном случае — той или иной земли-«провинции». Отсюда намеренная тавтология подзаголовка: *провинция и ее локальные тексты*. Имеются в виду не только локальные тексты внутри географического и исторического пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), но и вся провинция целиком, как единый локус. «Антропология места» и «Алгоритмы локальных текстов» — таковы два раздела, вокруг которых объединены материалы сборника.

Книга рассчитана на широкий круг специалистов в области истории, антропологии и семиотики культуры, фольклористов, филологов.

ББК 81.2Р

ГЕОПАНОРАМА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ Провинция и ее локальные тексты

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовила И. Богатырева. Корректор Л. Липова
Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Ю. Саевича

Подписано в печать 18.04.2004. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Minion. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-94457-195-0

9 785944 571953 >

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	9
------------------------------	---

АНТРОПОЛОГИЯ МЕСТА

I. Территория Евразии

<i>С. Ю. Неклюдов</i> (Москва). Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы)	15
<i>В. Л. Кляус</i> (Москва). Образ старообрядцев (семейских) Забайкалья в записках и работах первых путешественников и исследователей	23
<i>Н. Б. Вахтин</i> (Санкт-Петербург). За успех безнадежного дела (история невыхода Энциклопедии Дальневосточного края)	43
<i>Д. К. Равинский</i> (Санкт-Петербург). Златоуст — город на краю Европы	61

II. Европейская «окраина»

<i>Ф. П. Федоров</i> (Даугавпилс). О русском сознании Латгалии (постановка вопроса)	77
<i>И. А. Разумова</i> (Санкт-Петербург). «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах)	101
<i>А. Ю. Веселова</i> (Санкт-Петербург). «Скромная слава»: из истории возрождения Богородицкого архитектурного ансамбля	123

<i>К. А. Маслинский</i> (Санкт-Петербург). Спонтанная экскурсия по Краснополецкой усадьбе	145
<i>Е. В. Кулешов</i> (Санкт-Петербург). «А Тихвин тогда маленький был...»	161
<i>А. А. Литягин, А. В. Тарабукина</i> (Санкт-Петербург). Конфликт в бесконфликтном пространстве (старорусский текст в повседневном быту)	179
<i>В. С. Зубарева, М. Л. Лурье</i> (Санкт-Петербург) Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст	199
<i>В. С. Неклюдова</i> (Москва). Россия и русские люди глазами современного провинциального священника	219
Воспоминания Александры Авксентьевны Крыжановской (6/V 1903, Одесса — 13/III 1984, Москва). Предисловие и публикация <i>Т. В. Цивьян</i> (Москва)	233

III. Пермское культурное пространство

<i>Е. М. Сморгунова</i> (Москва). Истоки и маршруты пермского Верхокамья	275
<i>Е. Г. Власова</i> (Пермь). Пермь в местной фельетонистике конца XIX — начала XX в.	295
<i>О. Буле</i> (Амстердам). Скандал в Перми (из тайной истории русской гимназии)	311
<i>М. П. Абашева</i> (Пермь). Писатель «здесь и сейчас» (территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбуржцы)	329
<i>А. А. Сидякина</i> (Пермь). Пермский литературно-художественный андерграунд 1980-х: места действия	351
<i>П. А Корчагин, Ю. Б. Тавризян</i> (Пермь). Permica в изобразительном искусстве: образ Города	369
Воспоминания Анастасии Акиндиновны Тарасовой (11/XI 1914, Пермь). Предисловие и публикация <i>О. В. Дворяновой</i> (Пермь)	385

АЛГОРИТМЫ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

И. Провинция как текст

- О. А. Лавренова* (Москва). Образ места и его значение в культуре провинции 413
- Л. О. Зайонц* (Москва). Русский провинциальный «миф» (к проблеме культурной типологии) 427
- А. Ф. Белоусов* (Санкт-Петербург). Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) 457
- М. В. Строганов* (Тверь). Две заметки о локальных текстах. 483
- В. Вестстейн* (Амстердам). Понятие «провинция» в некоторых западноевропейских языках (английском, французском, немецком и нидерландском) 497
- М. Л. Спивак* (Москва). «Провинция идет в регионы»: О некоторых особенностях современного употребления слова *провинция* 503

II. Тексты о провинции

- Н. М. Каухчишвили* (Бергамо). Динамика пространства и провинции в художественной литературе (предварительные соображения) 519
- Р. Казари* (Бергамо). Уход в провинцию: путь к «воле и приволью»? (на материале произведений Л. Н. Толстого). 533
- Р. С. Спивак* (Пермь). Городская окраина в русской литературе конца XIX — начала XX вв. 545
- В. В. Абашев* (Пермь). «Люверс родилась и выросла в Перми...» (место и текст в повести Бориса Пастернака) 561
- Ю. Л. Фрейдин* (Москва). Пространство Урала у О. Мандельштама 593
- М. П. Одесский* (Москва). Волга — колдовская река: От «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» 605

<i>Е. В. Милюкова</i> (Москва). «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодеятельной поэзии южного Урала . . .	625
<i>С. Гардзонио</i> (Флоренция). Тема пути, место действия, метрополия и периферия в русской музыкальной поэзии (от романса до русского шансона)	645
<i>М.-К. Пезенти</i> (Бергамо). Локальный текст в народных картинках	661

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Представляемая читателю книга лежит в русле двух направлений, которыми в течение последних лет мы занимались в рамках соответствующих научных проектов: *текст пространства — пространство текста и текст времени — время в тексте*¹.

Первому из них — *евразийское пространство – евразийский текст* — был посвящен вышедший год назад в той же серии сборник «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003). Представленная в сборнике проблематика: от мифологических реконструкций до шаманских традиций, от фольклорных текстов до авангардистских экспериментов в литературе и музыке — объединялась «движением по евразийскому пространству». Имелось в виду пространство не только географическое, но и семиотическое, ориентированное на разные культурные коды.

---

¹ Поддержанных РФФИ и Институтом “Открытое общество” (фонд Сороса).

«Геопанорама русской культуры» мыслилась как продолжение этого сборника, но со смещением в другую сторону исследования пространства и времени, также рассматриваемых *sub specie* реалий и *sub specie* семиотики. Эта «другая сторона» — провинция, понятие для русской культуры неоднозначное и даже болезненное. Провинция обычно рассматривается как антитеза столице, и, соответственно, все евразийское пространство России, за исключением двух точек, двух городов-столиц, Москвы и Петербурга, по определению является провинцией. Отсюда намеренная тавтология подзаголовка: *провинция и ее локальные тексты*. Имеются в виду не только локальные тексты внутри географического и исторического пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), но и вся провинция, целиком, как единый локус.

Идея *единства*, состоящего из *разного*, поддерживаемого и питаемого *разным*, не нова. Однако применить ее на практике не так просто, особенно когда речь идет о таком огромном пространстве как русская Евразия. Очень часто *разное* представляется в виде хаотического набора местных достопримечательностей. Осмыслить их общность, увидеть в них проявление единой культурной традиции помогает исторически сложившийся образ каждой из русских земель—«провинций», благодаря которому она и воспринимается как особый культурный феномен. Образы местности закреплены во множестве самых разнообразных текстов. Анализ этих текстов позволит определить основные черты образа места и выяснить его мифологическую основу: понять, наконец, что представляют собой «волжский», «уральский», «сибирский» и прочие провинциальные мифы.

Объединившиеся здесь авторы связаны общими интересами и уже продолжительным опытом совместной работы. Они входят в международную исследовательскую группу, сплотившую постоянных участников наших «провинциальных» кон-

ференций из разных городов России, а также Италии и Нидерландов. Характерной особенностью проекта являлось отсутствие постоянного «места действия»: на смену Твери (с Торжком и окрестными усадьбами), Ельцу (с Задонском и Лебедянью), Осташкову (с Ниловой пустыней), Перми (с Белой Горой и Соликамском), пришли города Верхней Волги (от Углича до Плеса) и, в завершение, итальянская провинция с центром в Бергамо. Поэтому «Геопанорама» самым естественным образом дополняет и продолжает обсуждение и развитие того круга проблем, который был отражен в предшествовавших ей изданиях².

Участников проекта и авторов сборника — лингвистов и литературоведов, фольклористов и культурологов — объединяет филологический (в широком смысле) подход, при котором главным объектом исследования становятся *тексты* — тексты, в которых описывается образ и выражается история, культура, мифология *места* — в данном случае, той или иной земли-«провинции». Исследования *hic et nunc* помогают понять, как идут процессы изменения провинциального локуса в сторону самодостаточности и самоидентификации, какой темп набирает духовная культура, настойчиво охраняющая свой «локальный» облик.

От *провинциального* текста мы пришли к *геопанораме* российского духовного и культурного пространства. «Антропология места» и «Алгоритмы локальных текстов» — таковы основные разделы сборника.

---

² «Русская провинция: миф – текст – реальность» (М.; СПб., 2000), «Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли. Круглый стол 4 июля 2000 г., Пермь» (М., 2000), «Провинция как реальность и объект осмысления» (Тверь, 2001), специальные выпуски журналов *Russian Literature* «Provincija» (LIII-II/III, 2003, Amsterdam) – по материалам Волжской конференции (июль 2001) и *Europa Orientalis* (vol. 20, №. 1, 2003, Solerno) – по материалам конференции в Бергамо (декабрь 2001).

Место — во-первых, Евразия как целое. Во вторых, ее «европейские окраины», от Балтии до Урала (с особым вниманием к Пермскому культурному пространству).

Тексты — во-первых, представление самой провинции как некоего текста, основанное на анализе лексемы *провинция*, концепта *провинции* и образа *провинции*. Во-вторых, словесные и несловесные тексты о провинции (от романного пространства XIX в. и Юрятина Б. Пастернака до лубка и современного провинциального шансона).

Включенные в сборник публикации воспоминаний о провинции продолжают традицию, начатую нашим первым сборником «Русская провинция: миф — текст — реальность»: живые свидетельства ценны и сами по себе, и как верификация (или критика) предпринятого здесь подхода к анализу евразийского пространства/геопанорамы русской культуры.

АНТРОПОЛОГИЯ МЕСТА

I

Территория Евразии

С. Ю. Неклюдов (Москва)

Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы)

1.

Народные культуры как объект гуманитарного исследования и как предмет идеологических спекуляций обнаруживают некоторую двойственность своей природы. С одной стороны, именно в них романтически ориентированный взгляд ищет (и легко находит) признаки национальной самобытности и уникальности. С другой же стороны, именно в данной области с особенной рельефностью проступают те формальные и содержательные элементы, которые следует причислять к универсалиям мировой культуры. В свою очередь, «самобытность» (или «культурная специфичность») предполагает множественность, разнообразие, несходство культурных манифестаций, тогда как за понятием «универсальность» стоит обобщенность и схематичность, однообразие и исчислимость структурных конфигураций, а также повторяемость составляющих их единиц. Частное специфично — всеобщее единообразно. Поскольку народные традиции демонстрируют высочайшую степень уни-

версальности своих знаковых кодов и всей своей структурной организации, типологические исследования в этнологии и фольклористике весьма продуктивны и продолжают иметь хорошие перспективы. При этом выявляемая на фольклорном материале структурная устойчивость и всеобщность распространяется далеко за пределы народной культуры как таковой.

Общевразийские (и даже более широкие) сюжетно-композиционные схождения наблюдаются в произведениях героического эпоса, в образцах анималистической, фантастической, новеллистической сказки с ее типовыми сюжетами, в текстах несказочной прозы (былички, легенды, притчи и пр.). Сравнительной фольклористикой накоплен огромный материал такого рода; на его основе сделан ряд масштабных эмпирических обобщений (прежде всего, в виде каталогов сюжетов и мотивов). Универсальный (межрегиональный, интернациональный) характер имеют устойчивые значения, стоящие за теми или иными эпизодами, описаниями и стилистическими фигурами фольклорного повествования.

Многочисленны типологические параллели между разными национальными формами низовой городской словесности: литературной новеллой и средневековым романом, куртуазной лирикой трубадуров и суфийской арабской, а также японской поэзией и т. д. (см.: Мелетинский 1998, 404—418). В новейшее время подобную же универсальность и повторяемость обнаруживают традиции массовой культуры.

Столь высокая степень формальной и тематической устойчивости элементов народной культуры (см.: Чистов 1986, 189 сл.), а также типологически близких или восходящих к ней традиций, по всей видимости, находит свое объяснение в идущей от Лейбница идее «семантических примитивов», предполагающей существование некоего конечного множества общечеловеческих концептов и допускающей «установление окончательного набора универсаль-

ных атомов смысла (“алфавита человеческих мыслей”») (Вежбицкая 1993, 190—191).

Архетипические смыслы, заключенные в текстах народной культуры, вероятно, надо считать относящимися к общему знанию традиции. Они лежат ниже значений, прямо формулируемых ею в виде конкретных текстов (так сказать, в «коллективном бессознательном»), и соотносимы со столь же универсально воспроизводимыми, повторяющимися природными и социальными ситуациями, психофизио-логическими движениями и т. д.

Однако постоянны не только сами темы как таковые, но и их последовательность (ср. «морфологическую формулу» Проппа). Для всей мировой культуры существует однотипная трехэлементная повествовательная структура (в наиболее общей формулировке — завязка, кульминация и развязка), являющаяся основой нарратива и, по всей видимости, имеющая столь же универсальный, общечеловеческий характер. Это связано с тем, что при возникновении «культурного текста» (фено-текста, по Кристевой) в континуальность воспринимаемой реальности вносится дискретность, проекцией которой в нарративных формах является отмеченность начал и концов текста. Правила его построения, в традиции обычно не эксплицируемые, могут быть названы суперструктурами, задающими общую форму дискурсу (см.: Ван Дейк 1989, 41).

Кроме того, можно предположить, что в «знании традиции» содержатся такие ментальные структуры, которые вообще не обязательно формулируются в виде текстов-сообщений и имеют лишь регулятивные, «управляющие» функции. Это, во-первых, сами правила построения текста, а во-вторых — разнообразные предписания и запреты, касающиеся целесообразности/нецелесообразности, уместности/неуместности или необходимости/опасности его исполнения (см.: Зеленин 1934, 215—240; Цивьян 1985, 154). Естественно, обычно это знание является в

большей или меньшей степени достоянием всех носителей данной традиции (если, конечно, не считать эзотерических знаний, закрытость которых от непосвященных противостоит всеобщей доступности знания профанного, принадлежащего всем членам сообщества; это, впрочем, не вносит никаких корректив в обсуждаемую когнитологическую проблематику).

Соотношение того и другого подобно соотношению текстовых и командных файлов в памяти компьютера. Иными словами, сообщения — это «текстовые файлы» традиции, но ее знание включает еще и командные файлы, то есть всю ту организующую среду, которая обеспечивает возможность воспроизведения текста и его восприятия.

Итак, к области универсального относятся элементы культурных текстов, порожденные сходством или тождеством природных и социальных ситуаций, психофизиологической общностью человеческой природы, культурными архетипами, а также регулятивными структурами текстопорождения.

2.

Как уже было сказано, именно в народных традициях усматриваются (прежде всего романтически ориентированной наукой и идеологией) истоки и доминанты национальной самобытности — в противовес обезличивающей глобализации, происходящей в областях «высокой» культуры. Соответственно, национальные научные традиции зачастую склонны настаивать на уникальности своих объектов, их абсолютной «несравнимости» с фактами других этнических культур и полной неприемлемости (в данном вопросе или вообще) любых универсализирующих методов исследования (сравнительно-типологических, структуралистских и др.). С этой точки зрения, понятие «мировой фольклор» (или «фольклор народов мира») либо обозначает не более чем механическую сумму всех сущес-

твующих на земле устных национальных традиций, либо вообще лишено всякого смысла.

Но можно пойти еще дальше и обратить внимание на тот факт, что вообще нет никакого «общенародного» фольклора, стоящего над локальными традициями (подобно тому как национальный язык стоит над диалектами). «Фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных «единицах» текстов существует только как региональный/локальный. Понятие общенародного обретает реальность только на уровне отношения между региональными/локальными традициями», причем региональность обусловлена спецификой хозяйственно-культурного и социоэтнического функционирования сообщества, а локальность как таковая связана с ячейкой общественной жизни (например, общиной), до известной степени замкнутой и имеющей целостную структуру сохранения и регулирования социального организма. При этом региональная/локальная специфика не обусловлена целиком природными или социальными обстоятельствами, внешними по отношению к культуре, и не сводится к исторической преемственности древнего наследия. Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего, что, в свою очередь, представляет собой частный случай более общей вариативности народной культуры как ее неотторжимого качества (см: Путилов 1994, 145—153).

Проявления и свойства, позволяющие отличить себя от соседей, в том числе относящихся к тому же этносу, как правило, хорошо осознаются носителями локальной/региональной культуры («мы не так поем», «не так делаем», «не так носим» и пр.). Черты, определяющие ее специфику, составляют своего рода «пучки дифференциальных признаков», перечень которых может быть довольно большим. При этом часто речь идет о малозаметном на посторонний взгляд варьировании (или взаимодополнении) элементов, их чередовании с «нулевой формой»